

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.008

УДК 93/94

Е.Н. КАПКАНОВ

ассистент кафедры истории

«ТИ (Таганрогский институт) имени А.П. Чехова» (филиал) ФГБОУ ВПО «РИНХ»,
Россия, г. Таганрог

E-mail: kapecifimus5818@gmail.com

СТРОИТЕЛЬСТВО ВОЛГО-ДОНСКОГО КАНАЛА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, ИСТОЧНИКИ И НАРРАТИВЫ

Современная историография строительства Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища отошла от советского нарратива о «героизме труда» и «народнохозяйственной целесообразности» к критическому, многомерному подходу. Центральными стали демифологизация проекта – в том числе благодаря доступу к архивам ГУЛАГа и документам о принудительном труде, – а также антропологический поворот, сместивший фокус на опыт переселенцев. Исследования подчеркивают разрушение традиционного уклада жизни донского казачества, утрату культурного ландшафта, церквей, кладбищ и фольклорных практик, интерпретируя затопление станиц как завершение процесса рассказывания. Особую роль играют устные свидетельства и краеведческие работы, реконструирующие повседневность и травматический опыт потери родины. Параллельно пересматривается экономическая и экологическая эффективность стройки: современные авторы указывают на ее сомнительную рентабельность, ущерб рыбным запасам, сельскому хозяйству и экосистемам.

Ключевые слова: Волго-Донской канал, современная историография, Цимлянское водохранилище, микроистория, устная история, респонденты.

Рубеж 1980-1990-х годов стал переломным моментом в отечественной исторической науке. В контексте изучения Волго-Донского судоходного канала и Цимлянского водохранилища это событие стало точкой отсчета для радикальной переоценки прежних подходов. Если в советский период историография развивалась в рамках единого официального нарратива, ориентированного на демонстрацию «народнохозяйственной целесообразности» и «героизма труда», то с 1990-х годов начинается процесс ее децентрализации и плюрализации. Данный этап характеризуется переходом от истории проекта к истории его последствий, от изучения государственных решений к анализу их социальной цены и от фиксации технических параметров к оценке антропогенного воздействия на среду.

Ключевым фактором этой трансформации стал широкий доступ к архивным фондам, ранее недоступным или строго регламентированным. Особенно значимым оказалось открытие документов Министерства внутренних дел СССР,

в том числе ГУЛАГа и переселенческих управлений, а также материалов объединенного фонда «Учреждения по руководству переселением в СССР» Российского государственного архива экономики. Эти материалы позволили реконструировать не только официальные планы и сметы, но и трудности реализации проекта: задержки с переселением, дефицит воды и стройматериалов, конфликты между переселенцами и местными властями. Архивы обнажили разрыв между программными целями и практическим исполнением, что стало невозможным без прямого обращения к первоисточникам. Данная статья посвящена анализу ключевых векторов этого критического пересмотра в российских исследованиях постсоветского периода.

Параллельно с открытием архивов происходит и смена методологических установок. Постсоветская историческая наука все чаще обращается к подходам, заимствованным из социальной антропологии, культурологии и социологии. На первый план выходит микроистория, сосредоточенная не на макрособытиях, а на судьбах отдельных людей и локальных сообществ. Антропология повседневности позволяет реконструировать уклад жизни переселенцев, их восприятие новых условий, стратегии адаптации. Метод устной истории дает возможность услышать голоса тех, чьи имена не попали в официальные отчеты, – бывших жителей затопленных станиц, рабочих Волгодонстроя. Проблематика памяти и идентичности выводит исследование за рамки чисто экономических или технических аспектов, направляя внимание на культурные и символические последствия гидротехнического строительства.

Современные исследования существенно уточнили представления о ранних попытках соединения Волги и Дона. А.Л. Клейтман, подверг критическому анализу легенду о строительстве канала по приказу османского султана Селима II в 1569 г., показав, что, несмотря на реальные планы Османской империи, масштабных работ проведено не было, а так называемый «Селимов вал» относится к более позднему времени [14. С. 288-306]. В соавторстве с Я. Кияшко он также реконструировал первый российский проект канала между притоками Волги и Дона – Камышенкой и Иловлей, опираясь на архивные и картографические источники. Деятельность Ягана Бреккеля – автора петровского проекта Волго-Донского соединения – также детально освещена А.Л. Клейтманом [13. С. 805-820; 15. С. 154-162].

И.Н. Юркин исследовал второй петровский проект – Ивановский канал, включая полевые работы 2013-2019 гг. и его музеефикацию [32. С. 195-207; 33. С. 64-72]. Наконец, А.А. Романов и А.Г. Липатов предложили обобщающий анализ эволюции волго-донских гидротехнических планов с XVIII в. до наших дней и их значения для российской транспортной и экономической стратегии [24. С. 301-304].

Одним из наиболее значимых сдвигов в постсоветской историографии Волго-Донского канала стало включение в научное поле темы принудительного труда и роли заключенных ГУЛАГа в реализации гидротехнического проекта. Если в советской литературе этот аспект либо полностью отсутствовал, либо упоминался в общих формулировках о «трудовых резервах», то в 1990-2000-е

годы он стал центральным объектом исследования, благодаря чему из «невидимого» участника стройки заключенный превратился в признанного субъекта исторического процесса.

Ключевую роль в этой трансформации сыграли работы Е.Н. Свечниковой, чья кандидатская диссертация «Использование труда заключенных на стройках послевоенных пятилеток» [27] и монография «Спецконтингент великой стройки: заключенные советских лагерей на строительстве гидротехнических сооружений Волгодонстроя. 1948-1953 гг.» [28] положили начало систематическому изучению Волгодонлага. На основе архивных фондов ГУЛАГа и МВД Свечникова реконструировала не только масштабы участия спецконтингента, но и его внутреннюю структуру, условия труда и быта, а также логику функционирования лагерной системы в условиях крупного промышленного объекта. Условия труда и быта заключенных описывались через призму архивных отчетов, личных дел и лагерной статистики: нормы выработки, система питания, санитарное состояние барачных, уровень заболеваемости и смертности.

Принципиальное отличие постсоветской историографии заключается в том, что тема ГУЛАГа рассматривается как неотъемлемая часть механизма мобилизационной экономики эпохи «великих строек коммунизма». При этом подчеркивается, что игнорирование этого фактора в советский период вело к неполному пониманию масштабов и сроков строительства. Например, в сборниках 1952-1954 гг. («Первенец великих строек...», «Трудовые подвиги...») речь шла только о «добровольном» труде, «ударничестве» и «социалистическом соревновании» [23; 21], в то время как технический отчет 1956-1958 гг. уже упоминал о «привлечении трудовых резервов», избегая, однако, прямой ссылки на ГУЛАГ [6].

Полученные исследователем данные позволяют по-новому оценить состав трудового коллектива строительства, дополнив существовавшие в научной литературе сведения о добровольческих комсомольских отрядах информацией об организационных формах привлечения и использования контингента исправительно-трудовых учреждений. Такой комплексный подход способствует созданию более полной и объективной картины организации труда на крупнейших инфраструктурных объектах того времени.

Современный этап отечественной историографии по проблеме Волгодонского канала характеризуется сочетанием масштабных синтетических исследований и локальных, часто краеведческих работ, что отражает общую тенденцию к дифференциации и одновременной интеграции исторического знания. На фоне обобщающих исследований особое место занимает коллективная монография И.И. Коблева, В.А. Кривошея и В.Я. Шестакова «Волго-Донской судоходный канал», в которой, наряду с историей соединения рек ходом строительства и вопросами эксплуатации впервые в постсоветской литературе последовательно затронута роль ГУЛАГа и труда заключенных [16]. Авторы, опираясь на архивные материалы и мемуарные свидетельства, дополняют текст богатым иллюстративным рядом – картами, схемами и фотографиями, что придает

изданию характер не только научно-популярного, но и мемориального памятника «великой стройке».

Ярким примером первого направления выступает пятитомная монография Н.И. Бусленко «Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России» [5]. Это фундаментальное исследование охватывает весь хронологический диапазон – от первых проектов XVI века до постсоветского наследия стройки. Автор предлагает собственную периодизацию, выделяя дореволюционный и советский этапы проектирования, детально реконструирует ход строительства, анализирует организацию труда, роль государственных структур и последствия реализации проекта. Особую ценность представляет пятый том, посвященный критическому осмыслению итогов: в нем Н.И. Бусленко аргументированно демонстрирует экологические, экономические и социокультурные издержки канала, включая его сомнительную эффективность в долгосрочной перспективе и негативное воздействие на рыбные ресурсы Азовского моря. Монография сочетает документальный анализ, мемуарные источники и научную рефлексию, стремясь к максимально объективной реконструкции.

Важно подчеркнуть, что в советской историографии культура казачества, как правило, не рассматривалась в качестве самостоятельного объекта научного анализа. Лишь в постсоветский период стало возможным осмысление этих событий в рамках антропологического подхода. В коллективной монографии, подготовленной коллективом Южного научного центра РАН под руководством академика Г.Г. Матишова «Цимлянская плотина. Последний аккорд рассказывания на Дону» (2019) авторы показывают, что переселение стало завершающим этапом длительной эволюции казачьих территорий, начавшейся еще в 1920-1930-е годы [22]. Подводя итог, они характеризуют строительство водохранилища как «последний аккорд рассказывания» – не в смысле физического уничтожения, а в смысле окончательной утраты традиционного пространства, в котором веками формировались особенности быта, хозяйства и идентичности донского казачества.

Одним из ключевых сдвигов в постсоветской историографии Волго-Донского канала стало обращение к антропологической и микроисторической перспективе, в рамках которой переселение населения из зоны затопления Цимлянского водохранилища стало рассматриваться не только как административная и хозяйственная операция, но и как сложный социокультурный процесс, сопряженный с утратой исторической среды обитания, разрывом местных связей и трансформацией традиционного уклада жизни.

Особое место в современной историографии Волго-Донского канала занимает проблематика переселения населения в связи с созданием Цимлянского водохранилища. Центральным методом в этих исследованиях стал метод устной истории, позволивший включить в научный дискурс личные свидетельства

переселенцев и восстановить субъективный опыт утраты, адаптации и культурного травматизма.

Наиболее ярко этот подход представлен в работах краеведов, чьи публикации, хотя и не всегда соответствуют формальным критериям академической историографии, составляют ценный корпус источников «снизу». Так, П.А. Крюков в статье «Жили мы в хуторе Харсееве...» (опубликованной в «Донском временнике») описывает повседневную жизнь жителей Дубовского района, в том числе эпизоды неформального взаимодействия местных жителей с заключенными лагерей Волгодонстроя [20. С. 247]. Аналогичную тему затрагивает Г.В. Сигачев в очерке, «От Волги до Дона шумят ковыли...», посвященном переселению нескольких семей того же района: автор фиксирует воспоминания очевидцев о работе оценочной комиссии, перевозке домов и бытовых трудностях, с которыми столкнулись переселенцы [31. С. 151-154].

Особое значение имеют труды А.А. Константинова – уроженца одной из затопленных станиц Цимлянского района и автора цикла книг («Цимла», «Память сильнее времени», «Время рассудит нас»), основанных на интервью с жителями исчезнувших поселений [17; 19; 28]. Подобные свидетельства позволяют реконструировать не только хронологию и логику переселения, но и эмоционально-смысловую реакцию на разрушение привычного микромира.

К этому же направлению примыкают исследования Н.П. Сивашова – главного редактора газеты «Придонье», посвятившего серию публикаций затопленным станицам и хуторам 1950-х годов [29; 30]. Его работы служат примером мемориальной реконструкции, сочетающей архивные данные, личные архивы и устные рассказы.

Наконец, в статье В.А. Дронова «Исчезнувшие поселения Дубовского района» переселение рассматривается в более широком историческом контексте – от XIX до начала XXI века [7]. Автор отмечает, что в результате строительства водохранилища были ликвидированы некоторые хутора: Ковалев (переселен в станицу Жуковскую), Комаров (в станицу Малолученскую). Такой подход позволяет увидеть не только краткосрочные последствия «великой стройки», но и долгосрочные трансформации сельского расселения.

Таким образом, благодаря усилиям краеведов и применению метода устной истории, в историографии Волго-Донского канала сформировалась устойчивая линия, ориентированная на восстановление голоса «обычного человека» – того, чья жизнь была радикально изменена в результате реализации масштабного государственного проекта. Эти работы, хотя и не всегда отвечают формальным критериям академической историографии, представляют собой ценный корпус источников «снизу», отражающий субъективный опыт утраты и культурного травматизма.

Этот подход не ограничивается Доном. Сходные методологические установки применяются и в исследованиях других крупных гидротехнических проектов СССР. В частности, в диссертации Ю.В. Рябова «История переселения населения из зон ангарских водохранилищ (1950-1970-е гг.)» автор показывает,

как переселение в Восточной Сибири также сопровождалось разрывом поколенческих связей, утратой таежного уклада жизни и трудностями адаптации в новых условиях. Особенно подчеркивается, что переселение на расстояние от 50 до 100 км (как в Братском районе) кардинально меняло не только быт, но и хозяйственную специализацию населения: таежные охотники и земледельцы оказывались в условиях интенсивного совхозного производства, что требовало радикальной перестройки трудовых стратегий. Как и на Дону, здесь также акцент делается на приживаемости, психологической травме и мемориализации утраты [26].

Современная историография по теме Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища все более активно обращается к проблемам утраты культурного наследия и трансформации социокультурной идентичности традиционного населения – в первую очередь донского казачества. В отличие от советского периода, когда культура казачества в целом не рассматривалась как значимый объект академического интереса и редуцировалась до «пережитка прошлого», постсоветские исследования восстанавливают ее многомерность и трагичность процесса ее разрушения.

Как отмечается в работах Т.С. Рудиченко, масштабное переселение населения не только нарушило традиционную пространственную организацию расселения, но и спровоцировало глубокую трансформацию бытового и хозяйственного уклада [25. С. 96-101]. Утрата приречно-пойменных земель, исчезновение хуторов и станиц, включая такие исторически значимые центры, как Цимлянская, Нижне-Чирская, Верхне- и Нижне-Курмоярская станицы, привели к разрыву многовековых связей между человеком, ландшафтом и культурной средой. Особенно остро пострадали религиозные и мемориальные практики: вместе с затоплением территорий были утрачены церкви, моленные дома и кладбища, что лишило сообщества возможности поддержания преемственности поколений и ритуальной связи с предками. Как отмечает Т.С. Рудиченко, переселение казаков сопровождалось сменой архитектурной, хозяйственной и социальной организации быта: вместо самобытных куреней – типовые жилые дома, вместо личного виноградарства – коллективные плантации. Фольклор, семейные предания, религиозные и природоохранные обычаи либо утрачивались, либо адаптировались в условиях новой межэтнической среде.

К этому же направлению примыкает и коллективная статья В.А. Агеевой, А.А. Волвенко и М.П. Мерзлякова, в которой опыт переселения традиционного населения казачьих станиц анализируется через призму повседневности, что позволяет реконструировать не только фактические обстоятельства перемещения, но и эмоционально-смысловую реакцию на разрушение устоявшегося жизненного мира [3. С. 166-170].

Этот подход контрастирует с советской историографией 1950-1960-х годов, в которой переселение интерпретировалось как акт социального и бытового улучшения. Уже в первом послеперестроечном путеводителе Г.А. Иноземцева подчеркивалось, что переселенцы получили «новые дома с печным отоплением

и электричеством», «школы, клубы, водопровод» и «компенсации за сады и виноградники» [12]. В официальных изданиях того времени акцент делался на рациональных выгодах: укрупнении хозяйств, повышении сельскохозяйственной эффективности, модернизации инфраструктуры. Вопросы эмоциональной привязанности к месту, культурной памяти или сопротивления переселению в дискурс не включались.

Постсоветская историография, напротив, стремится дополнить официальный нарратив за счет включения голосов непосредственных участников событий. Это не отрицание достигнутых результатов, а попытка реконструировать полифоническую картину масштабного государственного проекта. Таким образом, антропологический поворот позволяет рассматривать переселение не как монолитный административный акт, а как многомерный процесс, в котором переплетались надежды на улучшение быта, трудности адаптации, память об утраченной родине и постепенная интеграция в новую социальную среду.

Особую роль в конструировании исторической памяти играют мемориальные издания, такие, как фотоальбомы под общим названием «Забыть нельзя, вернуться невозможно...» [8; 9]. Несмотря на визуальный формат, эти публикации выполняют функцию «мест памяти», объединяя архивные документы эпохи и личные воспоминания в единый нарратив о культурной и экзистенциальной катастрофе. Таким образом, затопленные станицы приобретают символический статус – они выступают не просто как географические объекты, исчезнувшие с карты, но как метафоры системного разрушения традиционной культуры казачества.

Одним из ключевых направлений постсоветской историографии стало переосмысление экономической и экологической эффективности Волго-Донского канала. В отличие от советской парадигмы, где проект прославлялся как «триумф науки над природой» и источник устойчивого роста, современные исследования акцентируют внимание на долгосрочных издержках.

Еще в СССР А.Б. Авакян в работах «Роль водохранилищ в изменении природных условий» и «Рыбы штурмуют плотины» впервые системно обозначил экологические риски гидростроительства [1; 2]. В постсоветский период эта критика была развита Е.А. Бурдиным и В.В. Залепухиным. В монографии «Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России» Е.А. Бурдин показал, что реальные аграрные и энергетические выгоды оказались значительно ниже прогнозов, а утрата естественных пастбищ привела к дисбалансу в животноводстве юга страны, который не смогли компенсировать искусственные травопосевы [4]. В.В. Залепухин детально проанализировал ущерб сельхозугодьям Волгоградской области, установив, что выплаченные компенсации не отражали реальной долгосрочной стоимости утраченных экосистем. Как он отмечает, «экономическая эффективность проекта в животноводческом секторе оказалась сомнительной» [10. С. 1842-1849; 11. С. 248-252].

Таким образом, постсоветская историография не отрицает технических достижений, но вводит критерии устойчивости – экологической, экономической

и социальной. Вместо нарратива о безусловном «триумфе» сегодня доминирует представление о проекте, как о сложном наследии, где выгоды и потери находятся в напряженном балансе. Этот сдвиг отражает общий переход от идеологии «покорения природы» к парадигме устойчивого взаимодействия человека и окружающей среды.

Постсоветская историография Волго-Донского канала знаменует собой качественный сдвиг в подходах к оценке крупных гидротехнических проектов эпохи СССР. Если советская литература, как правило, ограничивалась нарративом о «великой стройке коммунизма», подчеркивая ее транспортную, энергетическую и ирригационную значимость, то современные исследования стремятся к комплексной интерпретации, включающей не только достижения, но и социальные, экологические и гуманитарные издержки реализации проекта. В работах Н.И. Бусленко, Г.Г. Матишова, Е.Н. Свечниковой, Т.С. Рудиченко и ряда краеведов (А.А. Константинова, Н.П. Сивашова, В.А. Дронова и др.) формируется представление о Волго-Донском канале не как о триумфе инженерной мысли, а как о сложном историческом наследии, сочетающем технократический прогресс и глубокие культурные травмы.

Современный исследователь стремится не столько «прославлять» или «осуждать», сколько понимать: реконструировать мотивации участников событий, воссоздавать микросоциальные контексты, учитывать множественность голосов – от партийных функционеров до переселенцев и заключенных. Именно такой подход позволяет выявить парадоксы проекта: например, одновременное улучшение транспортной инфраструктуры и разрушение многовековых форм казачьего расселения; рост сельскохозяйственного потенциала в одних районах и утрату религиозных, мемориальных и культурных ландшафтов в других.

Вместе с тем, несмотря на значительные подвижки последних десятилетий, в историографии остаются существенные пробелы. В частности, требует систематического изучения административная составляющая переселения – не только в общих чертах, но на основе архивных фондов РГАЭ и ГАРО, касающихся переселения, а также документов исполкомов районных советов, колхозов и строительного управления «Волгодонстрой». Анализ этих материалов мог бы пролить свет на механизмы принятия решений, характер взаимодействия между центром и местами, а также на реальные масштабы нарушений при реализации переселенческой политики – от задержек в выплате компенсаций до несоответствия качества нового жилья декларируемым стандартам. Подобная работа позволила бы перейти от описательных реконструкций к аналитическому уровню, интегрирующему институциональную, социальную и антропологическую перспективы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авакян А.Б., Шарапов В.А. Роль водохранилищ в изменении природных условий. М.: [б. и.], 1968.
2. Авакян А.Б., Ромашков Е.Г. Рыбы штурмуют плотины. М.: Мысль, 1970.

3. **Агеева В.А., Волвенко А.А., Мерзляков М.П.** Проблемы переселения жителей в ходе строительства Волго-Донского канала в нач. 1950-х гг. через призму повседневности // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2.
4. **Бурдин Е.А.** Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
5. **Бусленко Н.И.** Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России. Документы. Комментарии. Мемуары. Беллетристика: в 5 кн. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказской акад. гос. службы, 2011.
6. Волго-Дон: техн. отчет о строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина, Цимлянского гидроузла и оросительных сооружений, 1949-1952: в 5 т. / гл. ред. С.Я. Жук. М.: Госэнергоиздат, 1956-1958.
7. **Дронов В.А.** Исчезнувшие поселения Дубовского района // Донской временник // http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/50/art.aspx?art_id=1758.
8. Забыть нельзя, вернуться невозможно...: альбом фотографий Цимлянска 1950-60-х гг. и станицы Цимлянской XIX – первой половины XX века. Часть IV. 2-е изд. СПб.: Типография «Арт-Экспресс», 2021.
9. Забыть нельзя, вернуться невозможно...: альбом фотографий Цимлянска 1950-60-х гг. и станицы Цимлянской XIX – первой половины XX века. Часть II. 2-е изд. СПб.: Типография «Арт-Экспресс», 2018.
10. **Залепухин В.В.** Экономические аспекты создания Цимлянского водохранилища и Волго-Донского судоходного канала / Современное экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты рационального природопользования: материалы II междунар. науч.-практ. интернет-конф. (с. Соленое Займище, 28 февраля 2017 г.). Соленое Займище: Прикаспийский НИИ аридного земледелия, 2017.
11. **Залепухин В.В.** Потери земельных угодий в эпоху «великого гидростроительства» в Волгоградской области во второй половине XX века / Антропогенная трансформация геопространства: природа, хозяйство, общество: материалы V Международной научно-практической конференции (Волгоград, 1-4 октября 2019 г.). Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2019.
12. **Иноземцев Г.А.** Волго-Дон (Путеводитель). Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1952.
13. **Кияшко Я., Клейтман А.Л.** История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 3.
14. **Клейтман А.Л.** Волго-Донской канал султана Селима II в российской и турецкой историографии // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. № 2 (44).
15. **Клейтман А.Л.** Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышенке) Яган Бреккель и его деятельность в России в 1695-1698 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1.

16. Коблев И.И., Кривошей В.А., Шестаков В.Я. Волго-Донской судоходный канал. Волгоград: ОМ-Паблишинг, 2008.
17. Константинов А.А. Цимла. Волгодонск: ЗАО «Волгодонское полиграфическое объединение», 2013.
18. Константинов А.А. Память сильнее времени. Волгодонск: ЗАО «Волгодонское полиграфическое объединение», 2015.
19. Константинов А.А. Время рассудит нас. Волгодонск: ЗАО «Волгодонское полиграфическое объединение», 2018.
20. Крюков П.А. Жили мы в хуторе Харсееве... // Донской временник. 2005. Вып. 14 // http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m2/3/art.aspx?art_id=937.
21. Кудрявчикова В. Трудовые подвиги строителей Волго-Дона. М.: Госполитиздат, 1954.
22. Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019.
23. Первенец великих строек коммунизма: Волго-Донской судоходный канал имени В.И. Ленина: ст. и очерки о строительстве Цимлянского гидроузла и оросительных систем. Ростов н/Д: Ростиздат, 1952.
24. Романов А.А., Липатов А.Г. Волго-Донской канал в дореволюционных проектах // Транспортное дело России. 2023. № 1.
25. Рудиченко Т.С. Реализация проекта «Волго-Дон» и трансформация традиционной культуры // Южнороссийский музыкальный альманах. 2016. № 1 (22).
26. Рябов Ю.В. История переселения населения из зон создания Ангарских водохранилищ (1950-1970-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Братск, 2015.
27. Свечникова Е.Н. Использование труда заключенных на стройках послевоенных пятилеток: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
28. Свечникова Е.Н. Спецконтингент великой стройки: заключенные советских лагерей на строительстве гидротехнических сооружений Волгодонстроя. 1948-1953 гг. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2009.
29. Сивашов Н.П. Как живешь, станица, под водой? Цимлянск: МУП ИИЦ «Придонье», 2011.
30. Сивашов Н.П. Цимла. Цимлянск: МУП ИИЦ «Придонье», 2015.
31. Сигачев Г.В. От Волги до Дона шумят ковыли... // Донской временник. 2008. № 16.
32. Юркин И.Н. «И того б учинил о том по сему...»: Ивановский канал в канцелярской переписке 10–20-х годов XVIII века // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: Труды науч.-практ. конф. «Куликово поле – уникальная культурно-историческая и природная территория. Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России». Тула, 2000.
33. Юркин И.Н. Ивановский канал: новые (2013-2020 гг.) исследования уникального памятника истории российской гидротехники / XXVII Годичная научная международная конференция Института истории естествознания

и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва-Санкт-Петербург, 17-21 мая 2021 г.). М.: Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2021.

YE.N. KAPKANOV

Assistant of the Department of History
«TI (Taganrog Institute) named after A.P. Chekhov»
(branch) of the Federal State Educational Institution
of Higher Education «RINH», Taganrog, Russia

CONSTRUCTION OF THE VOLGA-DON CANAL IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY: NEW APPROACHES, SOURCES, AND NARRATIVES

The turn of the 1980s and 1990s marked a turning point in Russian historical scholarship. In the context of studying the Volga-Don Canal and the Tsimlyansk Reservoir, this event served as a catalyst for a radical reevaluation of previous approaches. While during the Soviet era, historiography was dominated by a unified official narrative focused on demonstrating «economic feasibility» and «labor heroism,» the 1990s marked the beginning of a process of decentralization and pluralization. This stage is characterized by a transition from the history of the project to the history of its consequences, from studying government decisions to analyzing their social cost, and from recording technical parameters to assessing the anthropogenic impact on the environment.

The key factor in this transformation was the widespread access to archival funds that were previously inaccessible or strictly regulated. The discovery of documents related to the Ministry of Internal Affairs, the Gulag, and the resettlement offices, including the Fond, was particularly significant.

Key words: Volga-Don Canal, modern historiography, Tsimlyansk Reservoir, microhistory, oral history, and respondents.